

АНГЛИЙСКИЙ И РУССКИЙ ДЕНДИЗМ (НА ПРИМЕРЕ П.Я. ЧААДАЕВА) КАК СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

А.В. Царегородцев, канд. ист. наук, доцент

С.О. Завьялов, секретарь

Л.Д. Дмитриев, преподаватель

Российская государственная академия интеллектуальной собственности
(Россия, г. Москва)

DOI:10.24412/2500-1000-2022-3-2-60-64

Аннотация. Данная статья представляет собой попытку реконструкции основных черт этоса и стиля жизни английских и русских денди в контексте социально-культурного развития России и Европы на рубеже XVIII-XIX вв. В статье выдвигается гипотеза о религии как важном факторе формирования дендистской субкультуры.

Ключевые слова: дендизм, денди, культура, романтизм, Чаадаев, западники, славяно-филы

Дендизм представляет собой сложное социально-культурное явление, которому мало внимания уделяется в отечественной историографии. Большинство работ, посвященных этой тематике, выполнено в рамках филологических исследований. Дендизм – это не просто мода, стиль жизни и кодекс поведения. Это важный социально-культурный феномен, отражающий существенные изменения в социальных отношениях и общественном сознании в Европе XIX столетия. Рассмотрение данного явления через призму концепции Т. Веблена о «праздном классе», а также метода конструирования идеального типа М. Вебера, имеет большой эвристический потенциал, позволяющий раскрыть эти изменения [6, 7].

Первым, кто в отечественной науке уделил должное внимание дендизму, был классик советской семиотики Ю.М. Лотман [11]. Реконструируя социально-культурный облик российского дворянства XIX века, автор пишет о русских денди как порождении «англомании», которой увлекались А.С. Пушкин, П.Я. Чаадаев, Н.М. Карамзин и многие другие передовые представители элитарного сословия. В начале XXI века в России выходит в свет фундаментальная монография доктора филологических наук, О.Б. Вайнштейн, явившаяся плодом всестороннего изучения эволюции дендизма от его зарождения на рубеже XVIII-XIX вв. до наших дней [5].

Автор на основе анализа широкой источниковой базы описывает это сложное социально-культурное явление с точки зрения истории моды, истории идей, этических воззрений, эволюции культурного кода и паттернов поведения элитарных слоев европейского, прежде всего английского, общества. В монографии убедительно показываются предпосылки зарождения дендизма в Античности, Средние века и раннее Новое время, говорится о влиянии этой субкультуры на литературу, театр и кинематограф, а также творческую интеллигенцию Новейшей истории. Вместе с тем, никакая монография не может охватить все аспекты изучаемого явления. В частности, автор практически ничего не говорит о религии как о факторе вызревания дендистского этоса (этического кодекса). Вместе с тем, при внимательном изучении биографий некоторых известных денди, становится очевидным, что данный фактор имел немаловажное значение.

Субкультура дендизма зарождается в Великобритании на рубеже XVIII-XIX вв., в так называемую эпоху Регентства. Принято считать, что первым ее представителем был Джордж Брайан Браммелл (1778-1840). Будучи выходцем из высших слоев буржуазии, Браммелл сделал блестящую карьеру «светского льва» при дворе принца-регента Георга Ганновера. Совершив переворот в аристократическом костюме, стиле жизни, правилах светского общения,

Браммелл снискал огромный авторитет в кругах высшего английского дворянства. К его мнению прислушивались в самых фешенебельных салонах и клубах. Браммелл разработал особый дендистский стиль жизни, для которого характерны следующие черты [1]. Во-первых, минимализм во всем: от одежды до проявления чувств, эмоций. Дендистский девиз гласит: ничему не удивляйся. Любая сильная эмоция, страсть воспринималась как признак вульгарности. Отказавшись от ярких нарядов восемнадцатого столетия, денди установили канон классического мужского костюма: белая рубашка, темного цвета фрак (пиджак) и брюки, минимальное или полное отсутствие украшений. И только жилет в костюме-тройке позволялось иметь яркой расцветки. Во-вторых, презрительное отношение к деньгам и демонстративная расточительность. Эта черта стиля жизни многих денди приводила их, в конечном счете, к разорению и бедной старости. Однако все они следовали исключительно праздному образу жизни, нарочито пренебрегая возможностью капитализировать свои способности. А если и делали это, то тщательно скрывали данный факт. Эта черта как нельзя лучше показывает, что дендистский этос представляет собой инверсию буржуазной морали. В ней сконцентрировалось неприятие дворянством буржуазных ценностей прагматизма, накопительства и бережливости. В данном аспекте дендистский моральный кодекс наследует рыцарскому этосу. В-третьих, чрезмерная для того времени забота о личной гигиене и телесной чистоте. Ежедневные ванны Джорджа Браммелла вошли в притчу во языцах и воспринимались почти как скандал в контексте предвикторианской и ранневикторианской эпохи с присущим им пуританизмом. В-четвертых, особый стиль отношений с противоположным полом. Денди вовсе не являются синонимом «донжуанства». Напротив, установка на сдержанность и эмоциональную холодность проявляется и в этой сфере человеческой жизни. Умея вести тонкую светскую беседу и галантно ухаживать за дамой, денди не позволяли себе увлечься ею настолько, чтобы поте-

рять голову. Женщина была скорее партнером по светскому времяпрепровождению, чем объектом романтической влюбленности. Многие денди, в частности, сам Браммелл, оставались всю жизнь холостяками. Некоторые имели нетрадиционные сексуальные наклонности, не выходявшие, впрочем, за рамки приличий пуританского общества.

С уверенностью можно сказать, что денди и буржуа объединяет одно – идея человека, сделавшего себя самого (*self-made man*). В отличие от аристократии, денди во главу угла ставят не социальное происхождение человека, а его личные качества: элегантность, умение держать себя в обществе и вести светскую беседу, сдержанность и тонкое чувство юмора. Аристократ по происхождению может быть вульгарным и в этом случае он не денди. Напротив, выходец из третьего сословия может стать арбитром элегантности. Сам Браммелл никогда не только не скрывал своего мещанского происхождения, но и при случае бравировал им перед знатнейшими особами, испытывавшими священный трепет от общения с этим законодателем мод. Справедливости ради надо сказать, что и аристократов среди денди было немало.

Если говорить о социальной миссии, которая присуща рассматриваемой субкультуре, то ее можно сформулировать как борьбу с вульгарностью во всех ее проявлениях. В этой связи можно привести знаменитый афоризм великого денди Оскара Уайлда: «это больше, чем преступление, это вульгарность». Характеризуя Татьяну Ларину, А.С. Пушкин писал, что в ней нет ничего, что «в высоком лондонском кругу зовется *vulgar*». Это без сомнения должно было понравиться Евгению Онегину, образ которого также имеет очевидные дендистские черты.

Русский дендизм начинает вырваться при Александре I. Известно, что соратники императора по Негласному комитету были заядлыми англоманами. Фрак как элемент дендистского костюма стал проникать в Россию еще в конце XVIII века, но встретил категорическое неприятие императора Павла Петровича. Однако в правление его

наследника этот модный элемент одежды завоевал симпатии столичного дворянства. Н.М. Карамзин, А.С. Пушкин, П.Я. Чаадаев, К.А. Булгаков, И.И. Панаев и многие другие виднейшие люди того времени в той или иной степени отдали дань дендизму. Среди них наиболее утонченным эстетом по праву считался П.Я. Чаадаев.

Петр Яковлевич Чаадаев (1794-1856) родился в знатной дворянской семье. В его роду был известный историк, академик Михаил Михайлович Щербатов. Рано оставшись сиротой, будущий светский лев воспитывался теткой, получил образование в Московском университете. Службу выбрал военную в Семеновском гвардейском полку. Начало войны с Наполеоном он встретил в офицерском чине, отличился на полях сражения. Сослуживцы характеризовали его как храброго, честного и вежливого в личном общении офицера [10].

Известно, что Чаадаев, автор «Философических писем», был одним из первых российских западников, и его увлечение дендизмом нужно рассматривать в контексте полемики со славянофилами. О чаадаевской манере одеваться писал один из его биографов М.И. Жихарев: «Нельзя сказать, чтобы его одежда была дорога, напротив того, никаких драгоценностей, всего того, что люди зовут „bijou“, на нем никогда не было. Очень много я видел людей, одетых несравненно богаче, но никогда, ни после, ни прежде, не видал никого, кто был бы одет прекраснее и кто умел бы достоинством и грацией своей особы придавать значение своему платью. В этой его особенности было что-то, что, не стесняясь, можно назвать неуловимым. На нем все было безукоризненно модно, и ничто не только не напоминало модной картинки, но и отдаляло всякое об ней помышление» [8]. В приведенном описании обращает на себя внимание устремленность Чаадаева к дендистскому минимализму. Одежда не должна затмевать человека, который ее носит. Денди одевается элегантно, но не «с иголки». Биографы Брамелла отмечают, что тот давал поносить новый костюм лакею, чтобы она приобрела слегка поношенный вид. Отсутствие

украшений, элегантная простота внешнего вида так же характерные черты дендистского образа Петра Яковлевича. В известном произведении Эдварда Бульвер-Литтона «Пелэм, или приключение джентльмена» (книге, очень повлиявшей на творчество А.С. Пушкина) содержится канонический образ «отчаянного фата». Главный герой говорит о себе: «я ... оделся нарочито просто, без вычур (к слову сказать – человек несветский поступил бы как раз наоборот) и, приняв чрезвычайно томный вид, впервые явился к лорду Беннингтону» [4, с. 34]. В отличие от джентльмена эпохи барокко, денди выделяется внешней простотой и неброскостью.

Однако, как было показано выше, дендизм – это не только и не столько стиль одежды, сколько манеры поведения и этос. Биограф П.Я. Чаадаева А. Лебедев характеризовал его как человека, лишенного всякого намека на вульгарность [10]. Он был чужд лукавства, утилитарного взгляда на жизнь и человеческие отношения, проявлял галантную заботливость по отношению к дамам. Во всем его поведении находило отражение то, что можно назвать джентльменством. Смелость и прямота суждений, проявленных в «Философических письмах», чуть было не стоивших ему свободы, так же может быть отнесена к дендистскому стилю, восходящему в данном случае к рыцарскому этосу.

Интересный и малоизученный вопрос – отношение дендизма и религии. С одной стороны, кажется очевидным, что светский образ жизни представителей данной субкультуры, их ориентированность на такие аспекты культуры, как мода, успех в свете и подобные «суетные» с точки зрения христианства явления, исключает саму постановку данного вопроса. С другой стороны, эпоха рубежа XVIII-XIX вв., когда дендизм возникает, ознаменована в истории Великобритании так называемым «религиозным возрождением» [13]. Сам этот термин является принятым в британской историографии, и означает массовый подъем интереса к разного рода протестантским течениям (методистам и евангелистам). Движение это распространяется в среде

буржуазных слоев, среднего класса. И хотя дендистский этос справедливо можно рассматривать как инверсию буржуазной морали, мы не можем отрицать косвенного влияния пуританского духа британской культуры эпохи Регентства и викторианского периода. В данном случае можно говорить о том, что одна культурная парадигма отрицает другую в диалектическом смысле, который предполагает сохранение в «снятом» виде некоторых элементов отрицаемого культурного феномена.

Представляется очевидным, что минимализм как одна из ведущих черт дендистской субкультуры историко-генетически восходит к пуританскому аскетизму, получившему новое распространение на рубеже восемнадцатого и девятнадцатого столетий. Сюда же можно отнести сдержанность и эмоциональную холодность как один из важнейших паттернов поведения. И, конечно же, асексуальность денди, отказ от активной половой жизни можно рассматривать как своеобразную трансформацию аскетической («монашеской») установки. Неслучайно, Шарль Бодлер в своем трактате о дендизме сравнил его с орденом иезуитов [3, с. 17].

Мы можем утверждать, что дендистский стиль жизни предполагает возмож-

ность его сочетания с той или иной степенью глубины религиозностью. В частности, известный денди и первый биограф Браммелла Жюль Амеде Барбе д'Оревильи однажды пережил духовное перерождение и обратился к католической вере. Большое внимание теме религии уделял и П.Я. Чаадаев в своих «Философических письмах», где он обосновывал превосходство католической церкви над православной. Это увлечение католицизмом, как и дендистский стиль, стоит рассматривать как разные проявления его общей западной культурной ориентации. Тем не менее, по свидетельству биографов он регулярно посещал богослужения в православной церкви и участвовал в таинствах [2].

Подводя итоги выше сказанному, хотелось бы сказать, что дендизм представляет собой сложное социально-культурное явление, вобравшее в себя разнородные тенденции той эпохи, в которую он возник. Это противоречие между аристократией и набирающей силу буржуазией, секуляризацией и все еще важной ролью религии, а в контексте русской культуры между западничеством и славянофильством.

Библиографический список

1. Барбе Д'Оревильи Ж.А. О дендизме и Джордже Браммеле: Эссе / Пер. с фр. М. Петровского / Под ред. А. Райской. – М., 2000 – (серия «Modus vivendi»)
2. Бердяев Н. Духовный кризис интеллигенции. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://krotov.info/library/02_b/berdyayev/1910_4_001.html (дата обращения: 17.03.22)
3. Бодлер Ш. Поэт современной жизни // Шарль Бодлер / Пер. с фр. Л. Липман и Н. Столяровой / Под ред. Л. Токарева. – М., 2001.
4. Бульвер-Литтон Э. Пелэм, или приключения джентльмена. – М., 1988.
5. Вайнштейн О.Б. Денди: мода, литература, стиль жизни. – М., 2021.
6. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / Пер. с нем. Левиной М.И. – М., 2021. – (Серия «Эксклюзивная классика»)
7. Веблен Т. Теория праздного класса / Пер. с англ. Желнинова В. – М., 2021
8. Жихарев М.И. Докладная записка потомству о Петре Яковлевиче Чаадаеве. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dugward.ru/library/jiharev_m_i/jiharev_dokladnaya.html (дата обращения 08.03.22)
9. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Повести / Под ред. Н.Н. Акатовой. – М., 1982.
10. Лебедев А.А. Чаадаев. – М., 1965. – (Серия ЖЗЛ) – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/c/chaadaew_p_j/text_0080.shtml (дата обращения 15.03.22)
11. Лотман М.Ю. Русский дендизм // Беседы о русской культуре. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Lotman/06.php (дата обращения 10.03.22)

12. Чаадаев П.Я. Философические письма. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/c/chaadaew_p_j/text_0010.shtml (дата обращения: 17.03.22)

13. Perkin H. *Origins of Modern English Society, 1780-1880*. – L.; Henley, 1978.

**ENGLISH AND RUSSIAN DANDYISM (ON THE EXAMPLE OF P.YA. CHAADAEV)
AS A SOCIO-CULTURAL PHENOMENON**

A.V. Tsaregorodtsev, *Candidate of Historical Sciences, Associate Professor*

S.O. Zavyalov, *Secretary*

L.D. Dmitriev, *Lecturer*

Russian State Academy of Intellectual Property

(Russia, Moscow)

Abstract. *This article is an attempt to reconstruct the main features of the ethos and lifestyle of English and Russian dandies in the context of the socio-cultural development of Russia and Europe at the turn of the XVIII-XIX centuries. The article puts forward a hypothesis about religion as an important factor in the formation of a dandy subculture.*

Keywords: *dandyism, dandy, culture, romanticism, Chaadaev, Westerners, Slavophiles.*